

— Кто это сделал? — спросил И-и, нахмурившись после минутного удивления. — Конечно, это должен быть... он. Но зачем он это делает?

— Пугать... пу... пугать людей... — Чанчан, выслушав описание Тань Чжифэна о небесном иероглифе «Ся» и плывущей серо-белой тени змеи, заметно вздрогнула. — Мне... мне немного страшно.

— Я думаю о словах Сюй Ганя, — начал Тань Чжифэн. — Следующий. Кто следующий? На этот раз всё не так, как в прошлый. Он не действовал спонтанно, он... всё спланировал...

— Тогда, — взволнованно сказала Чжочжо, — как нам это узнать? Может, у него нет никакой цели, и он просто нападает на кого попало?

— Это тоже возможно. Поэтому, чтобы разобраться, я хочу, э-э... — Тань Чжифэн запнулся. — Я хочу знать, где именно это произошло в прошлый раз...

— Предоставь это мне, — выпрямился И-и. — Я скоро выйду и разузнаю. В каком направлении, ты говоришь, ты видел серо-белый дым в первый раз?

— На западе, — подумав, примерно указал Тань Чжифэн. И-и задумчиво сказал: — Это близко к внутреннему городу, там живут знатные и уважаемые люди...

Сказав это, он бросил на Тань Чжифэна суровый взгляд:

— Сиди дома и не высовывайся. Не думай, что раз у тебя есть какой-то там никчёмный кулон, ты можешь сам бегать и всё разведывать. Если с тобой что-то случится, мы за тебя не ответим!

Тань Чжифэн тут же изобразил невинную улыбку. На самом деле, в последние несколько дней у него действительно неоднократно возникала мысль самому отправиться на разведку, но днём за ним следили И-и и Чжочжо, Чанчан и Лин-эр не отходили от него, да и в лавке было полно дел, так что он никак не мог уйти.

Поначалу он надеялся, что однажды придёт Чжань Чжао и расскажет ему обо всём, что произошло, но Чжань Чжао так и не появился.

К тому же, вспоминая, как выглядели Чжань Чжао и Сюй Гань перед уходом, он чувствовал, что на их лицах было беспокойство, но не за Сюй Ганя, а... за него. Тань Чжифэн знал, что Сюй Ганю не очень нравился Чжань Чжао, но после победы над Бо в день зимнего солнцестояния между ними должно было возникнуть хотя бы какое-то чувство товарищества, взаимного уважения. Однако в тот день, когда Сюй Ганя уводили, он казался очень спокойным, а Чжань Чжао вёл себя сугубо официально, словно они оба знали, что это произойдёт.

Только он один оставался в неведении, и Тань Чжифэну это очень не нравилось. Когда Сюй Гань вернётся, если он вернётся, Тань Чжифэн решил, что он должен будет с ним серьёзно поговорить. Он, Тань Чжифэн, не был особо умным человеком, и впредь, что бы ни случилось, Сюй Гань должен будет ему всё ясно и чётко объяснять.

Однако Тань Чжифэн вдруг подумал, а разве он сам всё может сказать Сюй Ганю, разве у него нет от него никаких тайн?

Этот внутренний допрос ещё больше усугубил подавленное состояние Тань Чжифэна. К счастью, в этот момент в таверну стали заходить первые утренние посетители. Тогда Тань Чжифэн перестал предаваться пустым размышлениям и всерьёз занялся приготовлением

завтрака.

Без Сюй Ганя вся кухня казалась пустой, и Тань Чжифэн стал особенно чувствителен к шуму снаружи. Он выглянул и увидел, что пришёл Чэнь Цин. С той ночи он не видел Чэнь Цина и даже не знал, дома ли он. Но его странное поведение в ту ночь не выходило у Тань Чжифэна из головы. Увидев, что Чэнь Цин и Чжоу Яньцзин сели недалеко от кухни, Тань Чжифэн не удержался и, применив немного духовной силы, стал внимательно слушать их разговор.

Чжочжо подала им горячий чай. Чжоу Яньцзин отпил глоток и начал уговаривать Чэнь Цина:

— Цзыцзинь, зачем ты так с отцом? Ты у него единственный сын, а на Новый год даже не навестил его. Думаешь, ему от этого хорошо?

Чэнь Цин, опустив голову, молчал. Лишь через некоторое время он прерывисто произнёс:

— Брат Чжоу, не вмешивайся. Он... он просто думает, что раз у него есть несколько паршивых монет, то я должен перед ним пресмыкаться! Столько лет... ладно, если я однажды и добьюсь успеха, я всё равно его не признаю!

Чжоу Яньцзин, похоже, уже не раз обсуждал эту тему с Чэнь Цином. Видя, что его не переубедить, он перестал спорить и сменил тему:

— Кстати, в августе этого года будут предварительные экзамены. Как твоя подготовка? Не хочешь ли попробовать свои силы вместе с нами?

— Эх! — вздохнул Чэнь Цин. — Брат Чжоу, ты же знаешь, с канонами я ещё справляюсь, стихи и оды тоже ничего, но каждый раз проваливаюсь на трактатах и рассуждениях. Эти старые учёные из Института Гуанвэнь в своих отзывах всегда пишут одно и то же, мне это уже надоело.

Когда речь заходила об учёбе, Чэнь Цин всегда выглядел удручённым:

— На последних экзаменах в Институте Гуанвэнь даже брат Лю обошёл меня. Скажи, какой смысл мне продолжать учиться, если так и дальше пойдёт... Я думаю, может, в этом году мне не стоит позориться, а лучше, как ты, попробовать поступить в Императорскую академию?

Чжоу Яньцзин похлопал его по плечу и утешил:

— Куда ты торопишься, тебе всего шестнадцать. Когда я был в твоём возрасте, я и не знал, как писать сочинения, а просто бездельничал в деревне...

Сказав это, он покачал головой:

— Говоря об этой Императорской академии, на самом деле, там тоже нелегко. В Императорской академии каждый месяц экзамен, и из десяти учеников внешних классов только один переходит во внутренние. А из внутренних в высшие — и того сложнее. Я думаю, что и через несколько лет у меня не будет особых надежд.

— Хе-хе, какие-то внешние классы, внутренние, высшие, низшие, у меня от этого голова кругом, — вмешалась Чжочжо, которая неизвестно когда снова подошла. — Вам, учёным, действительно нечем заняться. Вам мало государственных экзаменов, так вы ещё и в Императорскую академию идёте страдать. Какой в этом смысл?

— Хм, твоё невежество ограничивает твоё воображение, — презрительно сказал И-и, собиравшийся уходить. — Когда поступишь в высший класс, появятся и преимущества. Высшие классы делятся на три уровня: низший уровень позволяет не сдавать предварительные экзамены и сразу участвовать в столичных; средний — освобождает и от столичных, позволяя сразу участвовать в дворцовых; а высший — даёт право сразу получить должность!

Он закатил глаза, глядя на озадаченную Чжочжо, и добавил:

— А ты... ты целыми днями ничего не делаешь, не учишься, ни играть, ни петь, ни танцевать не умеешь, только сидишь на солнышке и мечтаешь. Может, с неба на тебя упадёт миска горячего супа с лапшой и ошпарит до смерти, хе-хе...

— А... — видя, как И-и позорит её перед Чэнь Цином и Чжоу Яньцзином, Чжочжо вспыхнула от гнева, вскочила, побежала на кухню, выхватила у Тань Чжифэна скалку и бросилась за И-и. И-и, уворачиваясь, звал на помощь Тань Чжифэна. Тот, оставшись без скалки, с растерянным видом выбежал, отряхивая руки от муки, и стал суетливо их разнимать.

Чэнь Цин и Чжоу Яньцзин, привыкшие к подобным сценам, достали по двадцать вэней, оставили на столе в качестве платы. Чэнь Цин, казалось, совсем забыл о том, что произошло в тот день. Он с некоторой тоской посмотрел на Тань Чжифэна, словно хотел ему что-то сказать. Но тут же вспомнил о строгом взгляде учителя в Институте Гуанвэнь и его бамбуковой палке. Поколебавшись, он с неохотой надел свой ватный халат и вместе с Чжоу Яньцзином вышел.

И-и, увидев, что в лавке дел нет, как они и договаривались с Тань Чжифэном, немного прибрал на прилавке и ушёл. Посетители, которые приходили позже, были в основном местные учёные, а также несколько мелких чиновников из управы. Из их разговоров Тань Чжифэн тоже услышал последние слухи. Раньше он не особо интересовался их беседами, и когда Чжочжо ему что-то пересказывала, он пропускал это мимо ушей, но теперь, зная, что Сюй Гань заперт в Управе Кайфына, он жаждал услышать каждое слово.

— Это в доме только что вернувшегося в столицу усмирителя Вана... — начал говорить тот самый чиновник из Управы Кайфына, который приходил с Чжань Чжао. Он говорил очень тихо, но Тань Чжифэн всё же расслышал продолжение: — К счастью, господин усмиритель в ту ночь читал при свечах и спал не в спальне, а в соседней тёплой комнате... но погиб слуга... когда это было...

Он долго размышлял. Тань Чжифэну казалось, что его уши вот-вот прилипнут к стене. Наконец он услышал, как тот человек поставил чарку и сказал:

— Давно это было. Об этом мало кто знал, пока не случился ещё один инцидент...

— Стражник Чжань и его люди в последнее время очень заняты, одного поймали, но он просто сидит под замком... — сказал другой. Тань Чжифэн понял, что они говорят о Сюй Гане, и стал слушать ещё внимательнее. Тот продолжил: — Ты говоришь о том, что было потом, это... это...

— Это у канцлера Ду! — сказал другой. — Вот это было ужасно, его привратнику перерезали горло и бросили окровавленного у ворот. Дело до сих пор не раскрыто!

Тань Чжифэн напряжённо вздохнул. В это время с другой стороны послышался разговор двух учёных:

— ...Власти изо всех сил пытаются скрыть это, но многие видели. Возле храма Тяньцин живёт много людей...

— Это был совершенно ясный иероглиф «Ся» из Западного Ся! — другой учёный, сидевший напротив, изо всех сил понизил голос. — Но... но об этом нельзя никому говорить, а то могут и в тюрьму посадить. Несколько дней назад в соседнем Переулке Бойни одну торговку за то, что она сплетничала и «распространяла слухи», забрали в Управу Кайфына, и... и она до сих пор не вернулась!

«Шила в мешке не утаишь», — подумал Тань Чжифэн. Прошло всего несколько дней, а уже так много людей знает.

За слухами обычно следует страх. Тань Чжифэн вспомнил испуганный взгляд Чанчан. Да, неважно, хотел ли Бо убить господина Вана и канцлера Ду, но брызги крови, небесный иероглиф «Ся» из серо-белого дыма — всё это было подобно огромному злему духу с пустыми глазницами и окровавленной пастью, который свирепо и с ненавистью взирал на богатую и мирную столицу Великой Сун.

Внешне люди как ни в чём не бывало ели свой горячий завтрак, затем доставали из набитых кошельков медные монеты, расплачивались и с улыбками уходили, но их взгляды уже не были такими беззаботными и полными надежд на новый год, как несколько дней назад.

Тень в их глазах была порождена этими слухами, а также вызванным ими беспокойством о будущем, о неизвестности — будет ли война или мир.

<http://bllate.org/book/14942/1323844>